

В.М.Сергеев

«ИНТУИТИВНАЯ ПОЛИТИКА» В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДГОСУДАРСТВАХ: АМАЛЬФИ И ВЕНЕЦИЯ¹

Ключевые слова: Амальфи, Венеция, государство, коллективное предсознательное, социальные сети, «интуитивная политика»

¹ Автор искренне благодарен С.И.Каспэ и Л.Е.Бляхеру за плодотворное обсуждение статьи. Он также признателен Папскому восточному институту в Риме и о. Стефано Каприо, чья поддержка позволила ему принять участие в конференции «Dies amalfitana» в ноябре 2011 г.

² См. Сергеев 2011.

³ Spruyt 1994.

Традиционный подход в политической науке не делает различия между устоявшимися и складывающимися государствами, предпочитая рассматривать государство как таковое и выделяя лишь особые политические системы. Этот подход кажется мне принципиально неверным, когда речь идет о государствах, чья политическая система находится в процессе становления, а также о тех, что в современной политологии часто квалифицируются как «несостоявшиеся». На мой взгляд, дело не в фазе развития государства, а в самой природе и структуре лежащего в его основании общества². Эти становящиеся социальные образования не являются государствами в полном смысле этого слова, представляя собой скорее плотный клубок социальных сетей, в структуре которых слабо просвечивают возникающие политические институты. И проблема здесь не в конкуренции различных типов существующих государств, о которой писал Хендрик Спрюйт³. Развитие идет через конкуренцию и упрочение политических институтов внутри государства, процесс, в ходе которого одни институты разрушаются, другие возникают, а следовательно, отсутствуют условия для институционализации политики и системы принятия решений. Решения не осознаются как факты политического курса, а появляются в борьбе мнений доминирующих социальных сетей. Таким образом, политика оказывается как бы *предсознательной*, носит принципиально интуитивный характер и разворачивается прежде всего как тренд.

В данной статье предпринята попытка сравнить условия политического развития Амальфи и Венеции — двух итальянских городов, первыми открывших новую эру международной торговли в Средиземноморье. Их объединяет глубокая общность исторического развития, приведшая, особенно на ранней стадии, к сходным результатам. К сожалению, именно об этой ранней стадии мы имеем очень ограниченное представление из-за скудности источников. И все же схожесть судеб этих городов, некая общая доминанта, которую я в дальнейшем буду именовать «историческим смыслом», позволяет, исходя из смысла событий в одном месте, восстанавливать их смысл в другом.

Основой этой общности судеб был уникальный характер отношений Амальфи и Венеции с Византийской империей и восточным христианством. Как бы подвешенные в воздухе между Востоком и Западом, оба города создали ни на что не похожую культуру, в которой соединились самые изысканные идеи Востока и Запада, культуру, напоминающую тончайшую филигрань ювелирного украшения. Корни этой культуры уходят вглубь «темных веков», и, кажется, только чудо могло сохранить ее в неприкосновенности. В числе других факторов этому чуду способствовала во многом необычная география двух городов, которая в значительной мере определилась в процессе межсетевых конфликтов.

* * *

Начало истории и Амальфи, и Венеции теряется где-то в «темных веках», последовавших за распадом Римской империи. Из хаоса, вызванного изменением государственного порядка и сменой религии, появляются новые центры власти и богатства, многие из которых — Милан, Генуя, Флоренция — на протяжении столетий будут определять развитие не только Италии, но и всей Европы. Но первыми среди этих новых центров были два города, один расположенный недалеко от Неаполя, другой — в лагуне, образованной устьем Бренты.

В начале процесса восстановления того, что было когда-то Западной Римской империей, Амальфи, ставшим местом скрещения торговых путей из африканского Магриба, Византии, Рима, франкской Галлии, по степени богатства превосходил такие города, как Пиза, Неаполь, Генуя. Не случайно арабский географ Ибн Хаукаль писал о нем в «Книге путей и стран»: «...А затем Амальфи, город самый богатый в Ломбардии⁴, самый благородный и самый блестящий по своему состоянию, самый часто посещаемый»⁵.

Каким образом на пустынном скалистом берегу Салернитанского залива, где в античное время не было сколько-нибудь крупных поселений, возникло это чудо? Каждый, кто впервые посетит Амальфи, поднимется на окружающие его скалы и увидит дворцы Равелло, вне всякого сомнения, сочтет само существование этого города чем-то необычайным.

Не меньшим чудом кажется и Венеция, вдохновлявшая многих художников и поэтов — от Карпаччио до Тернера и от Данте до Бродского. Расположенный в лагуне на островах, этот город является волшебным творением архитектуры и обладает неисчислимыми художественными сокровищами.

Вплоть до начала XX в. с историей Амальфи можно было познать лишь по трудам «местных антикваров» Маттео Камера⁶ и Франческо Панса⁷, да и сейчас число подобных исследований очень невелико. В работах Умберто Моретти⁸, Джино Бенвенутти⁹ и Ульриха Шварца¹⁰ внимание сконцентрировано на немногих известных истори-

⁴ Под Ломбардией Ибн Хаукаль понимает Италию в целом.

⁵ Amari 1881—1882: 25.

⁶ Camera 1834.

⁷ Pansa 1724.

⁸ Moretti 1904.

⁹ Benvenuti 1984.

¹⁰ Schwartz 2002.

¹¹ Citarella 1977. чesких фактах, а Арманд Читарелла¹¹, опираясь на столь же немногочисленные факты, пытается реконструировать экономическую историю города и проследить его торговые связи.

Венеции посвящено такое множество исследований, что было бы бессмысленно их перечислять. Упомяну лишь фундаментальные труды Фредерика Лэйна¹², Джузеппе Маронини¹³ и Дэвида Чеймберза¹⁴. Тем не менее ее ранняя история в некоторых аспектах остается туманной. Характер политического развития города известен лишь в общих чертах. Много неясностей и в экономической истории.

Актуальной задачей является сравнение Амальфи и Венеции как целостных культурных феноменов и выяснение причин того, почему именно они оказались первыми итальянскими городами, открытыми миру. В чем состояло преимущество Амальфи и Венеции перед другими городами — Неаполем, Салерно, Пизой, Генуей — в IX—XI вв.? Такое исследование с необходимостью должно затрагивать различные аспекты жизни рассматриваемых городов, что требует определенной новизны методов, позволяющих по-новому посмотреть на весьма ограниченный корпус источников.

На мой взгляд, в условиях скудности источников внимание должно быть направлено в первую очередь на выявление «смысла истории» в понимании элиты и населения изучаемых территорий. Прежде всего это касается смысла понятия «государство». В эпоху раннего средневековья государство представляло собой совокупность тесно переплетенных социальных сетей, а не совокупность «государственных институтов». В эту эпоху мы видим отчаянную борьбу за *институционализацию государства*. Именно в период складывания новых центров власти в социальных сетях возникает специфическая «мифология государства» как порождение «коллективного *предсознательного*», в темных глубинах которого возникают импульсы к действию и образ будущего результата.

Мне кажется, что формирование этого «коллективного *предсознательного*» происходит по тем же правилам, что и интуитивное создание «поэтического смысла», проанализированное Жаком Маритеном¹⁵. Рассматривая драматическое действие как «духовный порыв или духовное движение, которое, исходя из группы человеческих действующих лиц, объединенных некоторой ситуацией, увлекает их и в результате вызывает то или иное развитие событий во времени, наполняя происходящее определенным значением»¹⁶, Маритен конструирует триаду: интуитивный смысл, действие, тема (последняя более или менее соответствует дискурсивному описанию цели).

В темноте *предсознательного* (подчеркиваю, именно *предсознательного*, так как там в борьбе образов, смыслов, еще только складывающихся, черновых набросков институтов и стереотипов культуры действует интуиция, направляемая «внутренним светом») вырабатывается драматическое действие истории. Политика, строго говоря, еще не стала осознанной. Ее очертания смутно вырисовываются в процессе

взаимодействия социальных сетей. *Предсознательный* характер формирующейся политики можно обнаружить не только в раннем средневековье, это общая черта ситуаций с высокой степенью неопределенности.

Я думаю, что подобный подход к анализу зарождающихся обществ, от которых осталось относительно мало исторических свидетельств, может оказаться весьма перспективным. Рассмотрение политики зарождающегося общества как своего рода наброска, причем наброска целостного, а истории — как борьбы между такими целостными набросками, которые выражаются не в программах, но в драматическом действии, значительно расширяет возможности исследователя за счет расширения круга источников. В их число, например, попадает первоначальная планировка города, которая может читаться как текст, выражающий интуитивное *предсознательное*.

* * *

Чтобы адекватно представить себе начальные условия развития Венеции и Амальфи, необходимо рассмотреть особенности ландшафта, в котором эти города были рождены.

Об особенностях географического положения Венеции написано очень много.

Известно, что Венеция — город без стен. Даже дворец дождей ничем не напоминает средневековые замки, а ведь он расположен непосредственно у основной гавани Венеции. Много лучше любых стен функции охраны города выполняла заполненная соленой водой лагуна глубиной всего в полтора-два метра. Ни пешком не пройти (а идти надо километры), ни на большом корабле не подплыть — сядешь на мель. Венецианцы прорыли в лагуне каналы, и карты этих каналов были важнейшим секретом республики. Лишь знавшие пути через лагуну лоцманы могли провести корабль к порту.

История формирования столь необычной структуры города тесно связана с внутриклановой борьбой в становящейся республике. Выбор в пользу острова Риальто стал компромиссом между социальными сетями, существовавшими в двух прежних центрах республики — Аквилее и Маламокко. Расположенная на островах Венеция не нуждалась в дополнительной защите, и многочисленные попытки взять ее как с моря, так и с суши целое тысячелетие оканчивались ничем. Возможно, именно это ощущение полной безопасности и делало жизнь в Венеции столь привлекательной. Свобода от необходимости пекся о безопасности в сочетании с богатством дала невероятный простор воображению архитекторов, и постепенно город превратился в «золотую голубятню у воды» — архитектурный памятник, вряд ли имеющий себе равные в Европе. Множество каналов и отсутствие улиц, по которым можно было ездить на лошадях, создали неповторимый образ города, где дворцы отражаются в голубой воде, а гондолы — самый удобный вид транспорта.

Амальфи известен гораздо меньше, поэтому его стоит описать подробнее. Город весьма необычен по своей конструкции, ничуть не уступающей по сложности венецианской, и эта необычность во многом определяла его взаимодействия с соседями — Неаполем, Салерно, герцогством Беневенто, византийскими владениями на юге Италии и с самой Византией.

В период Римской империи побережье между Салерно и входом в Неаполитанский залив было слабо заселено. На первый взгляд оно выглядит неприветливо — это двухсотметровый скалистый обрыв, кое-где прорезанный ущельями и речными потоками. Амальфи находится между устьями двух рек, спадающих с высоких гор, — Канетто и Драгоне. Точнее будет сказать, что в районе впадения этих горных рек в море находится целая сеть поселений: Поджерола — на высокой скале над Канетто, Амальфи — в том месте, где Канетто впадает в море, создавая небольшую бухту, Атрани — в километре от Амальфи, где в море впадает Драгоне, тоже образуя небольшую бухту. В седловине, образованной горой, отделяющей Амальфи от Атрани¹⁷, куда можно добраться либо по лестнице, выбитой по краю скалы, либо по очень длинной тропинке, расположен Понтоне, служивший в свое время убежищем на случай непредвиденных нападений с моря. Из Понтоне, после утомительного двухсотметрового подъема по лестнице, можно попасть в Минуте, а затем, двигаясь вдоль склона горы, в Скалу — городок, который и считается первым поселением в этом лабиринте, составляющим большой Амальфи.

¹⁷ На вершине этой горы стоял замок, развалины которого сохранились до сих пор.

Миновав Скалу и перейдя через мост над шумящим потоком Драгоне, попадаешь в Равелло — подлинное произведение искусства, расположенное на высоте 400 метров над уровнем моря, из которого открывается неподражаемый вид на амальфитанское побережье. Город заполнен дворцами, церквями и виллами — свидетельством его благосостояния в XI—XIII вв. И когда оказываешься на самом краю его, в вилле Чимброне, в редкостной красоты парке, заканчивающемся неоклассической беседкой и бельведером, тебя охватывает чувство полета. Из-за висящей в воздухе дымки море сливается с небом и создает совершенно неповторимое ощущение, будто ты находишься над бездной. Где-то далеко внизу остается Атрани и шумящий Драгоне, слева — сплошные лимонные роши, прямо под тобой, тоже далеко-далеко внизу, — Минори, еще один городок из этой сети поселений. Infinity (бесконечность) — так называется это место.

Амальфи и Атрани тоже производят необычайное впечатление. Именно они вдохновили голландца Эшера на серию офортов и, возможно, стали основой его знаменитых рисунков, в которых и вода, и идущие по лестнице люди одновременно спускаются и поднимаются — оптический эффект связан со сменой точек зрения.

И Амальфи, и Атрани представляют собой наросты на склонах гор, пронизанные крытыми улицами, невольно вызывающими в памяти кротовые норы или муравейник. Не зная плана города, в этих лаби-

рингах не разберешься. Свет проникает сверху с изредка встречающихся площадок, каждая размером с большую комнату, или из узких колодцев над лестницами, стиснутыми стенами зданий. Церкви упрятаны в «кротовьи норы», и, блуждая по лабиринту, неожиданно наталкиваешься на церковный дворик. В этой «кротовой» конструкции, по-видимому, имелся глубокий смысл — во время пиратских набегов с моря один-два человека в узком проходе могли защитить целый квартал. Поразительно мала гавань Амальфи — согласно легенде, массивные портовые сооружения города были смыты чудовищным штормом 1343 г., после чего Амальфи потерял свое значение как торговый центр. Современные исследователи считают эту историю выдумкой, мне же она кажется вполне вероятной: рядом находится Везувий, подземная активность скалистых масс на дне моря дает о себе знать, так почему бы не допустить возможность возникновения гигантского цунами, действительно уничтожившего порт? Но в любом случае размеры порта были невелики.

Эта сложная структура из семи поселений, разделенных реками и глубокими ущельями, является уникальной — при сохранении легкого доступа к морю она обеспечивала и легкую защиту от нападений пиратов. По сути дела мы видим здесь семь «островов», расположенных на неровной гористой местности, пересеченной пропастями, вертикальными стенами скал и горными потоками (которые к тому же давали энергию мельницам, железодельным мастерским и — с XII, а возможно, даже с XI в. — бумажным фабрикам, которыми славился Амальфи). Структура эта, как и структура Венеции, возникла в результате борьбы и конкуренции между жителями составлявших Амальфи поселений, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что выбор дожа происходил в церкви Сан-Сальвадор в Атрани, а не в соборе Амальфи.

Попробуем сравнить Амальфи и Венецию с другими торговыми городами итальянского средневековья. Извечная соперница Венеции Генуя по структуре ландшафта напоминает Амальфи. Но, будучи расположена в амфитеатре спускающихся к бухте гор, она не обладала сложной «островной» структурой Амальфи и нуждалась для своей защиты в целой цепи замков, возведенных в горах, на подходах к городу. Это делало ее уязвимой для иностранных вторжений и в конце концов привело к потере политической независимости.

Другая морская республика Италии — Пиза — находится в лагуне и со стороны моря хорошо защищена, однако со стороны суши она полностью открыта для вторжения, а потому окружена высокими стенами (которые не спасли ее от взятия флорентийцами в конце XV в.).

Можно сделать вывод, что идеальное расположение торгового города — на островах лагуны. Амальфи, возможно, преуспел в связи с тем, что его структура парадоксальным образом была максимально приближена к «островной» конструкции, обладая лишь одним недостатком — возможностью доступа (правда, затрудненного высокими горами) со стороны материка. Вот почему жители Амальфи так заботились об укреплении Леттере — основного прохода к Амальфи с суши, и именно

отсюда велась осада города в момент окончательного падения его независимости под ударами норманнов.

Но вплоть до появления этой новой силы, не только успешно объединившей ломбардские княжества и византийские владения на юге Апеннинского полуострова, но и отвоевавшей у арабов Сицилию, Амальфи был в относительной безопасности. Другие южноитальянские города — Неаполь, Гаэта, — несмотря на значительно лучшие гавани, не имели преимуществ расположения Амальфи и были вовлечены в постоянное противоборство с лангобардскими герцогствами.

Это сопоставление позволяет выдвинуть гипотезу, что удачное географическое расположение и ландшафт, обеспечивающий безопасность, являлись в средние века важнейшими факторами успеха торговых городов Италии, тогда как присутствие по соседству с богатой торговой республикой сильного централизованного государства делало ее длительное существование маловероятным. Но, как будет показано ниже, успеху Венеции и Амальфи способствовал и еще один важнейший фактор — политика балансирования между двумя мощными, но достаточно удаленными политическими центрами: Византией и Каролингской (позднее Священной Римской) империей. Это балансирование стало возможным благодаря наличию в них сторонников разных «политических трендов», то есть социальных сетей, одни из которых ориентировались на Восток, а другие — на Запад.

Обратим еще раз внимание на структуру городских агломераций Амальфи и Венеции. Структура Амальфи напоминает пиратское гнездо: небольшая гавань, город, улицы которого специально приспособлены для уличных боев, замок на горе и четыре последовательно углубляющихся в горы поселения, каждое из которых отделено от другого узкой лестницей. Плюс к этому совершенно неприступный Равелло с великолепными садами и роскошными дворцами аристократии.

Венеция, спрятанная на островах внутри лагуны, тем самым получила возможность контролировать устья рек, ведущих вглубь материка, вплоть до реки По, оставаясь при этом полностью неуязвимой.

Строительство и Венеции, и Амальфи велось многие столетия, но исключительная соразмерность и красота этих городов вряд ли могут быть делом случая. В расположении и способе вписывания в ландшафт Амальфи и Венеции скорее следует видеть результат действия коллективной *предсознательной* интуиции. Сам характер архитектуры обоих городов, о «поэтичности» которых так много написано, свидетельствует о правомерности параллелей между коллективным интуитивным творчеством сообщества и рассмотренной выше моделью интуитивного *предсознательного*.

¹⁸ При написании данного раздела я опирался на книгу Ф. Грегоровиуса «История города Рима в средние века» (см. Грегоровиус 2008).

* * *

Прежде чем переходить к дальнейшему сравнению Амальфи и Венеции, имеет смысл кратко охарактеризовать политическую ситуацию в Италии в VIII—IX вв.¹⁸

В VIII в. Италия была поделена на Лангобардское королевство со столицей в Павии и несколько территорий, в той или иной степени связанных с Византийской империей. Помимо Равеннского экзархата, где правил византийский наместник, и управлявшихся непосредственно из Константинополя Калабрии и Апулии, к ним относились Неаполь, в формальной зависимости от которого в начале рассматриваемого периода находились Амальфи и Гаэта и который, в свою очередь, номинально зависел от Византии (герцог Неаполя носил византийский придворный титул, а взамен этого герцогство получало определенные торговые привилегии), Венеция, чья зависимость от Византии тоже была сугубо номинальной, и, наконец, Римское герцогство.

Реальная власть в герцогстве находилась в руках римской аристократии, влиявшей на выбор папы, который хотя и подчинялся формально Константинополю, но по большей части пребывал в конфронтации по вопросам христианского вероисповедания как с константинопольским патриархом, так и с византийским императором. Тем не менее в теории Римское герцогство мыслилось как часть Византийской империи, и папа часто обращался к императору за помощью против лангобардов, периодически пытавшихся завладеть Римом. В период иконоборчества отношения между Римом и Константинополем крайне испортились, однако иконоборческое влияние на итальянские провинции империи было минимальным, и они по-прежнему оставались под церковной юрисдикцией римских пап.

В 751 г. лангобардский король Айстульф завоевал Равеннский экзархат, присоединив его к своему королевству (при сохранении определенной автономии). Такая активность лангобардов заставила папскую власть в Риме серьезно задуматься о будущем. Чтобы оградить себя от лангобардов (после разрыва с иконоборческим императором фактическую независимость от Византии можно было считать обеспеченной), папа решил пригласить в Италию наиболее сильного из европейских правителей. Выбор пал на франкского майордома Пипина, *de facto* управлявшего королевством франков и уже помогавшего папской власти сохранить свою автономию, который был удостоен титула патриция Рима (то есть, по сути, правителя города). В 754 г. папа помазал Пипина на царство, тем самым легитимировав переворот в государстве франков и свержение династии Меровингов.

Сын Пипина Карл установил весьма тесные отношения с Адрианом I, одним из самых выдающихся пап в истории, получив в свою очередь титул патриция Рима. В 774 г. Карл совершил поход в Италию и уничтожил Лангобардское королевство. Чуть более десятилетия спустя было сломлено сопротивление Беневенто, герцог которого был вынужден заключить мир с Карлом, направив к нему в качестве заложника своего сына Гримоальда и пообещав ежегодно выплачивать 7 тыс. золотых солидов. А вскоре закончилась и иконоборческая фаза византийской истории: на соборе 787 г. императрица Ирина восстановила почитание икон.

После смерти Адриана I в 795 г. на его место был избран Лев III, который и предложил венчать Карла короной императора. С согласия народа Рима и франкского нобилитета процедура венчания состоялась в соборе св. Петра 25 декабря 800 г. Это событие открыло новую эпоху — запад Европы вновь получил своего императора. Расстановка политических сил в Италии полностью поменялась: теперь за власть на итальянской территории боролись две империи, и Рим прочно отошел к империи Западной. Византийские владения и протектораты оказались лицом к лицу с мощным противником, а Венеции и Неаполю пришлось встать на путь лавирования между Византией и империей Каролингов, что немедленно отразилось и на положении Амальфи, который начал проявлять большую самостоятельность. Стабилизировав положение на севере Италии, эта новая ситуация довольно скоро создала на юге атмосферу хаоса, в которой и стало возможным обретение им независимости.

* * *

Упоминание об Амальфи можно найти в одном из писем Адриана I к Карлу Великому, в котором сообщается, что герцог Беневенто Арекис II напал на амальфитанское побережье. И действительно, пытаясь разрешить свой спор с Неаполем относительно некоторых территорий, Арекис II предпринял поход против Амальфи. Его жители, укрывшись за стенами, обратились за помощью к герцогу Неаполя Стефану II, и Арекис II, разорив окрестности города, вынужден был отступить. Таким образом, в конце VIII в. Амальфи еще находился в зависимости от Неаполя — во всяком случае в том, что касалось защиты от лангобардов. Однако к началу IX в. эта зависимость, судя по всему, ослабла.

В 812 г. амальфитанцы приняли участие в экспедиции против арабов, напавших на острова близ Неаполя. Помимо амальфитанцев, в этой экспедиции, вдохновляемой папой Львом III, приняли участие и жители Гаеты, но Неаполь уклонился, по-видимому не желая портить торговые отношения с арабами. 15 августа 813 г. около островов Иския и Понцо между противостоящими силами произошло столкновение. Это было первое соприкосновение амальфитанцев с арабами.

На протяжении второй половины VIII — первой четверти IX столетия арабы господствовали в западной части Средиземного моря. Однако для строительства кораблей необходим был лес, и после утраты Сирии, вновь завоеванной Византией, давление арабов на Италию несколько уменьшилось. Этот момент и использовали амальфитанцы для установления с ними коммерческих отношений.

Именно тесными сетевыми связями между арабами и берберами Туниса и амальфитанской аристократией, вероятно, и объяснялась проарабская позиция Амальфи в последующий период. Наличие таких связей формировало *предсознание* амальфитанского общества, вызывая к жизни, строго говоря, не политику, а политическую тенденцию

¹⁹ *Benvenuti 1984:*
46.

к дружбе с арабами. Как бы то ни было, эти связи, похоже, и помешали Амальфи выполнить взятое на себя перед папой обязательство охранять побережье Кампаньи от арабских вторжений, хотя деньги, причитавшиеся за такую охрану, были получены¹⁹. Упорное нежелание города вести военные действия против арабов, несмотря на предоставленные папским двором субсидии, — один из наглядных примеров «интуитивного тренда» в политике Амальфи.

Будучи хорошими дипломатами, амальфитанцы ухитрялись сохранять привилегированное положение в отношениях как с Византией (где они, наряду с Венецией, пользовались торговыми преимуществами), так и с арабами, что в сочетании с хорошими отношениями с Римом и Каролингской империей позволяло осуществлять чрезвычайно выгодные сделки. Покупая лес, который в изобилии рос на амальфитанском побережье, арабы, по-видимому, платили за него золотом, доставлявшимся по караванному пути через Сиджильмасу, и амальфитанцы использовали это золото для покупки в Византии предметов роскоши, прежде всего церковных одежд, вывозить которые, помимо них, дозволялось только венецианцам, продавали эти одежды в Риме и Каролингской империи, на полученное серебро покупали у франков и лангобардов рабов и поставляли их на рынки Кейруана. Подобные коммерческие операции были достаточно сложными и не всегда находили моральное оправдание (как в случае продажи стратегического материала — леса — потенциальному противнику или торговли рабами), но приносимая ими выгода явно перевешивала моральный ущерб. Амальфи быстро богател, становясь заманчивой целью для беневентских лангобардов.

В 836 г., после шестилетней борьбы за Либурию, между Беневенто и Неаполем было заключено перемирие, а затем подписано соглашение, которое не только регулировало их отношения в Либурии, но и касалось ряда других аспектов устройства Южной Италии (в том числе вопроса о предоставлении Амальфи права свободно вести торговлю на территории Беневенто). Однако уже два года спустя герцог Беневенто Сикард напал на Амальфи. Его солдаты разграбили город, забрав с собой мощи Св. Трофимены, незадолго до этого перенесенные туда из Минори — одного из поселений на амальфитанском побережье. По-видимому, этому вторжению предшествовал внутренний конфликт в Амальфи, так как часть амальфитанского населения оказалась в Салерно. Существуют разные интерпретации этого переселения. Некоторые историки считают, что оно было добровольным и объяснялось расхождениями по поводу политики Сикарда, другие настаивают на его насильственном характере. Я склоняюсь ко второй версии, так как она в большей степени соответствует логике последующих событий.

В 839 г. Сикард был убит в результате заговора, и Беневенто погрузилось в хаос междоусобицы. Власть в герцогстве захватил Радельхис, а брат Сикарда Сиконульф был схвачен и отправлен в тюрьму в Таранто.

В июле того же года переселенные в Салерно амальфитанцы, послав корабли в Таранто, организовали освобождение Сиконульфа. Согласно легенде, они выкрали его из башни, где он содержался, напоив стражу. В герцогстве разгорелась гражданская война, и оно развалилось на две части — одну со столицей в Беневенто, другую со столицей в Салерно, где у власти оказался Сиконульф. «Салернские изгнанники» вернулись домой (предварительно разграбив Салерно), при этом жители Амальфи, поддерживавшие Сикарда, вынуждены были бежать из города и укрыться в Виетри.

Результатом всех этих событий стало отделение Амальфи от Неаполя и обретение им политической самостоятельности. Формально он оставался в зависимости от Византии, однако, судя по всему, это была такая форма зависимости, которая, обеспечивая амальфитанцам определенные торговые привилегии и некоторую степень защиты от внешних врагов, никак не ограничивала политику города. Амальфи стал именоваться республикой, включив в сферу своего влияния территорию небольших поселений вдоль амальфитанского побережья вплоть до Позитано и Четары и вглубь до Леттере.

Гражданская война между наследниками Сикарда радикально изменила положение на юге полуострова. Процесс фрагментации захватил не только Беневенто, но и Неаполитанское герцогство²⁰, потерявшее Амальфи и Сорренто. В войну между Салерно и Беневенто стали втягиваться арабские наемники. Начав с разорения монастыря в Монте-Кассино, бывшего в то время крупнейшим религиозным центром в Южной Италии, арабы захватили Бари, образовав независимый от Аглабидов эмират, который был ликвидирован только в 871 г. совместными усилиями каролингских императоров и Византии²¹.

* * *

В период хаоса, царившего на юге Италии во второй половине IX в., политическая система в Амальфи была республиканской — городом (за короткими исключениями) управляли префекты, выбиравшиеся на один год. С 898 г. власть сосредоточивается в руках династии дожа Мансоне (898—958 гг.), а затем — династии дожа Сержио (958—1073 гг.). Интересно, что консолидация власти в Амальфи произошла тогда, когда положение на юге Италии более или менее стабилизировалось. Относительное равновесие, достигнутое в X в., сопровождалось торговой экспансией, и этот процесс, по-видимому, требовал повышения внутренней стабильности. Не исключено, что в республиканские времена за власть в городе боролись различные партии нобилей, на что указывает, в частности, убийство в 866 г. префекта Мауро.

Следует отметить, что в период расцвета республиканских институтов зависимость Амальфи от Византии практически сошла на нет, что, вероятно, было связано с временным ослаблением позиций империи в Италии в целом и на юге полуострова в особенности. Однако в

²⁰ Kreutz 1991.

²¹ Из своего последнего оплота на Апеннинском полуострове арабы были изгнаны в 915 г., и лишь после этого Южная Италия в основном избавилась от арабской угрозы.

X в. Амальфи вновь оказался в орбите влияния Византии, и амальфитанские дожи, как правило, принимали византийские придворные титулы в обмен на предоставление городу торговых преференций.

Новый цикл неопределенности в Амальфи начался в 1028 г., когда в борьбу за господство на юге Италии включились норманны. Эта неопределенность, выразившаяся, в частности, в неоднократных переходах власти из рук в руки, привела к значительному ослаблению города и в конечном итоге к поглощению его в 1073 г. сформировавшимся к тому времени мощным норманнским государством.

* * *

Развитие политических институтов в Венеции происходило во многом по той же модели, что и в Амальфи.

До начала VIII в. Венеция представляла собой группу поселений на островах Торчелло, Джезоло, Маламокко и управлялась трибунами, избираемыми от каждого из этих поселений. Такая практика существовала уже в VI в., о чем свидетельствует письмо Кассиодора, где упоминаются «морские трибуны» на островах Венеции.

В рассматриваемый период организация власти Византии на территории Италии была более или менее единообразной. Центром этой власти был Равеннский экзархат во главе с экзархом, а византийские владения, разбросанные по полуострову, управлялись магистратами, носившими титул *dux* или *magister militas*. В конце VII или в начале VIII в. такая система управления была введена и на островах Венеции. В источниках можно встретить различную датировку этого события, фигура первого дожа выглядит мифологической, но несомненно одно — переход к данной системе привел к серьезному кризису на венецианских островах, сопровождавшемуся серией революций. Ранние дожи, по-видимому, слишком ориентировались на Византию, что вызывало недовольство «аристократии трибунов». Дож Теодато перенес свою резиденцию в Маламокко — в Гераклею слишком чувствовалось византийское влияние.

Избранный в 764 г. дож Маурицио первым попытался создать свою династию, сделав соправителем своего сына Джованни. Эта попытка оказалась неудачной — третий представитель нарождавшейся династии стал склоняться в борьбе Византии и Каролингской империи на сторону франков и был свергнут после безуспешной осады венецианских островов сыном Карла Великого Пипином. Именно после этой осады центр догата был перенесен на остров Риальто и тем самым положено начало тому городу, который мы знаем как Венецию.

Впоследствии попытки создать в Венеции собственную династию предпринимали семьи Партичипацио, Кандиано и Орсеоло, но ни одна из них не увенчалась успехом. В XI в. дож Доменико Флабанико ввел положение, запрещающее соправительство, поставив таким образом заслон на пути династических устремлений.

* * *

Сопоставляя раннюю историю Амальфи и Венеции, нельзя не обратить внимания на сходство их политического развития. И в том, и в другом случае мы видим три фазы — предгосударственную, «республиканскую» и фазу династических попыток, закончившуюся в середине XI в. одинаково неуспешно, хотя и совершенно по-разному: Венеция встала на путь создания стабильных республиканских институтов, тогда как в Амальфи наступил хаос, приведший к подчинению власти норманнов.

На мой взгляд, указанное сходство в развитии в VIII—XI вв. определялось общностью возникшего в сходных исторических условиях коллективного *пред*сознательного видения целей государства и институциональных путей их достижения.

Обе республики возникли на периферии византийских владений на Апеннинском полуострове, в местностях, географически изолированных от основной части Италии: Венеция — в болотах дельты Бренты, на труднодоступных островах, Амальфи — на побережье Салернского залива, отрезанного от материка высокими горами. Обе они появились в сходной международной обстановке: Венеция — в условиях борьбы между лангобардами, Византией и Каролингской империей, Амальфи — в условиях конфликта между лангобардскими княжествами, Неаполитанским герцогством, арабами и Византией, пытавшейся сохранить остатки своих владений на юге Италии. Эти конфликты не только позволяли им балансировать между враждующими сторонами (чему очень способствовало их изолированное положение), но и открывали возможности для быстрого развития торговли. В противостоянии между Византийской и Западной империями и та, и другая республика склонялись на сторону Византии. Номинальная зависимость от Византии обеспечивала им доступ на внутренний рынок империи и торговые преференции, не препятствуя поддержанию хороших отношений с арабскими центрами — Кейруаном и Александрией. Византия находилась слишком далеко и была слишком занята собственными проблемами, чтобы основательно вмешиваться во внутреннюю политику Амальфи и Венеции, но зонтик формального византийского сюзеренитета гарантировал им определенную степень защиты.

Обратим внимание на одну общую для Амальфи и Венеции особенность политического развития. Обе республики рождались в смуте гражданских междоусобиц, решающую роль в которых играли социальные сети, «склеенные» тесными семейными и местными связями. В случае Венеции это была борьба между аристократическими семьями Партичипацио, Орсеоло и Кандиано, а до этого — между «трибунской аристократией» Градо, ориентировавшейся на Византию, и «республиканцами» Маламокко (результатом чего и стало крайне удачное в географическом и оборонительном плане возвышение Рияльто).

Одновременно шла борьба между сторонниками династического и «республиканского» правления.

После победы сторонников республики власть дождей на протяжении трех столетий последовательно ограничивалась, а политическая система совершенствовалась, пока в XIV в. не был достигнут баланс сил между семьями, исключавший серьезные конфликты, и равновесие между различными группами населения. Это позволило Венеции сохранять внутривнутриполитическую стабильность, несмотря на почти непрерывные войны — вначале с Генуей за влияние в Восточном Средиземноморье, затем с Миланом за господство в Северной Италии, а начиная с XV в. с Османской империей за бывшие византийские владения.

Таким образом, мы видим в Венеции VIII—XI вв. сложный процесс формирования государства, сопровождавшийся непрерывным потоком социальных инноваций, и в XI в. эти инновации придали обществу достаточно жесткую форму, которую можно с определенностью назвать государством. Параллельно шло создание официально поддерживаемой политической идеологии²², известной как «венецианский миф», суть которой состояла в утверждении, будто Венеция была «изначально свободным» государством, не подчинявшимся никакой внешней силе²³.

²² Об этом см. Chambers 1970.

²³ В XVII в. памфлеты, отрицавшие изначальную независимость Венеции, издавались за пределами государства, чтобы избежать цензуры.

В Амальфи политическое развитие пошло по иному пути — по пути создания наследственной монархии через институт «соправления» отца и сына. Эта практика установилась не сразу, а после порядка 50 лет экспериментов. Сам факт такого экспериментирования свидетельствует о наличии внутривнутриполитических конфликтов. Можно предположить, что борьба между фракциями была связана с отношением к Византии и соседним лангобардским княжествам. Характер политической борьбы, по-видимому, определялся теми же межсетевыми конфликтами и институциональной неопределенностью, что и в Венеции: столкновение интересов выходцев из различных частей формирующегося государства, споры между «республиканцами» и «монархистами», ссоры семейных кланов. Однако результат оказался принципиально иным. В отличие от Венеции, которая нашла идеальный баланс как во внутренней, так и во внешней политике, Амальфи не удалось достичь ни того, ни другого, и после полувека династических неурядиц он был поглощен норманнской державой.

²⁴ См. Del Tieppo, Leone 1977.

Заслуживает внимания и специфика внутреннего самоощущения жителей Амальфи и Венеции. По заключению историков²⁴, амальфитанцы не использовали слова «mercator», хотя интенсивно занимались торговлей. Структура же венецианского общества вообще напоминала структуру рыцарского ордена, что стало особенно очевидно, когда большинству населения был закрыт доступ в Большой совет. Подобная установка, скорее всего, уходит корнями в начальный период становления государства: и Амальфи, и Венеция возникли фактически из военных поселений, и этот факт получил отражение в самовосприятии их жителей, решающую роль в формировании которого играл нобилитет.

Это резко отличает амальфитанцев и венецианцев от жителей Генуи и Пизы, где развитие государства шло через создание «коммуны», по существу представлявшей собой объединение граждан, занятых торговыми операциями: поскольку именно торговля давала право на членство в «коммуне», она и стала там основой гражданства.

* * *

Подводя итоги, следует констатировать, что, несмотря на значительное сходство на раннем этапе, исторические судьбы Амальфи и Венеции существенно разошлись. Амальфитанская республика оказалась не в состоянии конкурировать с норманнской монархией в процессе установления порядка в Южной Италии и сошла с исторической сцены. Венеция же использовала найденный ею внутривосточный баланс и проходящие через нее огромные денежные потоки для строительства мощного государства и в конце концов с помощью крестоносцев сокрушила Византийскую империю, захватив значительную часть ее территории.

Библиография

- Грегоровиус Ф.** 2008. *История города Рима в средние века (от V до XVI столетия)*. — М.
- Маритен Ж.** 2004. *Творческая интуиция в искусстве и поэзии*. — М.
- Сергеев В.М.** 2011. Проблема состоятельности государств // *Сравнительная политология*. № 1.
- Amari M.** 1881—1882. *Biblioteca arabo-sicula*. Vol. I. — Torino.
- Benvenuti G.** 1984. *Storia della Repubblica di Amalfi*. — Pisa.
- Camera M.** 1834. *Istoria della città e costiera di Amalfi*. — Napoli.
- Chambers D.S.** 1970. *The Imperial Age of Venice (1380—1590)*. — L.
- Citarella A.O.** 1977. *Il commercio di Amalfi nell'alto medioevo*. — Salerno.
- Del Tieppo M., Leone A.** 1977. *Amalfi medioevale*. — Napoli.
- Kreutz B.** 1991. *Southern Italy in the Ninth and Tenth Centuries*. — Philadelphia.
- Lane F.C.** 1973. *Venice: A Maritime Republic*. — Baltimore, L.
- Maronini G.** 1974. *La costituzione di Venezia*. — Firenze.
- Moretti U.** 1904. *La prima repubblica marinara d'Italia*. — Ravenna.
- Pansa F.** 1724. *Istoria dell'antica repubblica d'Amalfi*. — Napoli.
- Schawrtz U.** 2002. *Amalfi nell'alto medioevo*. — Amalfi.
- Spruyt H.** 1994. *The Sovereign State and Its Competitors*. — Princeton.